

Лингвистика

УДК 81.161.1'367 "12/16"(045)

Л.Ф. Килина, О.С. Русанова

УСТОЙЧИВЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ЧИНТИ* В РУССКИХ ГРАМОТАХ XIII–XVII вв.

В статье рассматриваются различные определения термина *устойчивость*, а также критерии выделения устойчивых сочетаний, приводится анализ особенностей употребления устойчивых глагольно-именных сочетаний с глаголом *чинти* в текстах старорусских грамот, которые содержатся в Национальном корпусе русского языка. Установлено, что обнаруженные в грамотах устойчивые сочетания использовались для фиксации различных деловых ситуаций, среди которых наиболее частотными были ситуации совершения действия, не отвечающего принятым нормам (возникновение споров, разногласий, проявление грубости, насилия, жестокости, причинение ущерба, притеснение, угнетение). Определено, что большинство из проанализированных устойчивых сочетаний не используется в современном русском языке. Делается вывод о том, что глагол *чинти* раньше имел обобщенное значение и широкую сочетаемость, со временем значение конкретизировалось, и глагол стал употребляться только для обозначения действия, отклоняющегося от нормативного поведения.

Ключевые слова: грамота, глагол, устойчивое сочетание, значение, деловая ситуация.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-429-437

Устойчивые сочетания (далее — УС) являются предметом изучения лингвистов довольно давно, причем подобные исследования проводятся на материале разных языков в сопоставительном плане [2], а также на материале одного языка в синхроническом аспекте [10; 1; 5; 17 и др.]. На сегодняшний день существует также несколько работ, в которых описываются особенности функционирования устойчивых сочетаний в текстах разных стилей [22; 16; 20; 8; 23 и др.]. Особо следует выделить научные труды, посвященные историческому аспекту изучения УС и позволяющие сформировать целостное представление о диахронических изменениях в структуре и семантике УС, понять причины употребления того или иного сочетания в текстах, имеющих разные жанрово-стилевые особенности [12; 11; 15; 13; 7; 4; 25 и др.]. Актуальность подобных разысканий бесспорна: «Исследование устойчивых сочетаний в диахроническом аспекте способно сделать более полным наше представление не только о языке и литературе средневекового периода, но и о фразеологическом составе современного русского языка» [7, с. 23].

Одним из проблемных до сих пор остается вопрос о том, что следует понимать под устойчивостью. Т. А. Лапаева в статье «Устойчивые сочетания в системе языковых единиц» рассматривает различные точки зрения на данное явление, говоря о том, что существуют «узкая» и «широкая» трактовки этого термина: «Первая представлена в трудах В. В. Виноградова и Н. М. Шанского, которые склонны отождествлять устойчивость с воспроизводимостью, а последнюю считать простой повторяемостью единицы по форме и содержанию; при этом устойчивость признается универсальным свойством ФЕ <...> «Широкая» трактовка устойчивости, изложенная в работах В. Л. Архангельского, С. Г. Гаврина, И. А. Мельчука, М. М. Копыленко и др., связывает ее с детерминированностью связей в словосочетаниях, или с предсказуемостью компонентов. Устойчивыми сочетаниями с этой точки зрения являются не только ФЕ, но и другие разновидности несвободных сочетаний. Однако и в этом случае устойчивость обязательно соотносится с воспроизводимостью» [9, с. 76]. Особого внимания заслуживает точка зрения В. Л. Архангельского, который определяет устойчивость как ограничение в выборе переменных на лексическом, семантическом, морфемном и синтаксическом уровнях. Ученый «связывает устойчивость с особым видом сочетаемости (ограниченным/неограниченным), вследствие чего определяет устойчивость как воспроизводимость с оттенком ограничения сочетаемости» (Там же). Исходя из рассмотренных определений Т. А. Лапаева предлагает употреблять термин устойчивое сочетание «для обозначения большого пласта словосочетаний, занимающих переходное положение между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами, к которым относим состав-

ные термины, фиксированные наименования, перифразы, словосочетания с метафорическим характером или ограниченной сочетаемостью одного из компонентов и др.» [9, с. 77].

Представленная выше точка зрения является достаточно распространенной, в том числе и среди историков русского языка, при этом под УС понимаются «сочетания слов, обладающие единством и постоянством лексического значения, образуемые по определенной модели с ограниченным набором лексических компонентов и воспроизводимые в речи», кроме того, данный термин «охватывает не только собственно фразеологизмы, характеризующиеся большой степенью слитности семантики компонентов, идиоматичностью, но и сочетания, которые не обладают этими качествами или обладают ими в меньшей степени», значит, понятие УС шире, чем понятие фразеологизмы [13, с. 73]. Н. М. Хоменко говорит о том, что УС — это «воспроизводимая номинативная единица, структурно состоящая из отдельных слов-компонентов, семантически более спаянная, чем свободное словосочетание», выделяя в качестве основных признаков «воспроизводимость, моделируемость, своеобразие семантики, определенный лексический состав, частичное или полное ослабление грамматических категорий слов-компонентов оборотов» [25, с. 7]. С. Р. Зайнуллина считает, что древнерусские устойчивые сочетания отличаются от современных фразеологизмов меньшей степенью устойчивости и идиоматичности, обусловленностью употребления предметом повествования (а не жанром или стилем), функционированием в текстах особого типа, которые в настоящее время уже не создаются [7, с. 23].

Итак, одним из основных отличий УС древнерусского языка от современных фразеологизмов, судя по всему, следует считать то, что для первых необязательным признаком является идиоматичность, т.е. нерасчлененность лексического значения: «Древнерусская фразеология отличается не столько идиоматичностью, сколько фразеологичностью, если понимать под последним термином слабую степень метафоризации стабильных оборотов речи. Идиоматика — явление, широко проявляющееся, по нашему мнению, хронологически несколько позднее» [11, с. 303]. А. Г. Ломов также указывает на то, что фразеологичность устойчивых единиц древнерусского языка «доказывается либо стабильностью употребления, либо наличием стабильной образности и переносного значения» [11, с. 301].

Одним из распространенных типов УС в древнерусском языке являются устойчивые глагольно-именные сочетания (далее — УГИС). Н. М. Хоменко предложила классификацию УГИС, в основе которой лежит признак нарастания спаянности компонентов устойчивой конструкции: устойчивые аналитические конструкции серийного типа (сочетания с глаголами творити, дати, държати, (при)имати и др.), устойчивые сочетания без резкого изменения семантики, сочетания, характеризующиеся семантическим сдвигом (метонимические, метафорические и др.) [25, с. 9]. Исследователь также подчеркивает, что устойчивые аналитические конструкции серийного типа традиционно «включают во фразеологию, хотя они не характеризуются ни переосмыслением значения, ни семантической неделимостью», поэтому занимают «промежуточное положение между фразеологическими единицами и свободными сочетаниями» [25, с. 9].

Проанализировав научную литературу, мы выяснили, что УГИС, как правило, представляют собой сочетание глагола с ослабленным значением и существительного, которое является смысловым центром сочетания. Подобные сочетания воспроизводятся в готовом виде и часто употребляются в современных деловых текстах как средство стандартизации. Стандарт в таких текстах играет важную роль, поскольку они обычно создаются по определенной модели, готовые фразы часто воспроизводятся в документах, поэтому УГИС в данном случае являются универсальным средством вместо глагольных форм (например, *совершитъ убийство* вместо *убить*, *оказать содействие* вместо *содействовать* и др.). С другой стороны, некоторые УГИС невозможно заменить глагольной формой (например, *оказать внимание*, *предоставить слово* и т.д.), в некоторых же случаях значение глагольной формы не совпадает со значением сочетания (к примеру, *провести соревнование* не тождественно глаголу *соревноваться*), а также во многих случаях сочетания закрепляются как термины (*произвести обыск*, *осмотр*, *досмотр* и др.). Кроме того, глагольно-именное сочетание часто можно расширить за счет вставки дополнительных компонентов: *оказать материальную, гуманитарную, финансовую помощь* и т.п.

В данном исследовании мы анализируем УГИС с компонентом *чинить* в диахроническом аспекте. Прежде всего рассмотрим значения данного глагола в различных словарях. В «Словаре русского языка» (далее — МАС) под редакцией А. П. Евгеньевой читаем: **Чинить**, *-ню́, -нишь*; *несов., перех. (сов. учинить). Устар. и офиц.* Совершать, делать, устраивать. | *Офиц.* С существительными, обозначающими действия, поступки и т. п., не отвечающие принятым нормам. *Чинить произвол и насилие. Чинить препятствия. Чинить обиды* [19]. В «Большом толковом словаре русского языка»

С. А. Кузнецова (далее — БТС) находим следующее: **Чинить.** *Офиц.* Совершать, осуществлять, направлять против кого-л. *Ч. произвол и насилие. Ч. препятствия. Ч. зверства. Ч. суд и расправу. Ч. злодеяния. Ч. допрос* [3]. Как видим, авторы словарей закрепляют данный глагол за официально-деловым стилем и приводят примеры сочетаний с ним: *чинить произвол и насилие, препятствия, зверства, суд и расправу, злодеяния, допрос* и т.д. Следует также отметить обобщенность представленных в словарях значений, однако наличие в БТС компонента 'направлять против кого-л.' свидетельствует о том, что анализируемая языковая единица, судя по всему, имеет отрицательную оценочную семантику. Кроме того, в МАС есть информация об ограниченной сочетаемости глагола, а именно прямое указание на то, что существительные, с которыми он употребляется, как правило, обозначают действия, отклоняющиеся от нормативного поведения, и поэтому имеют негативную окраску. В словаре-справочнике В. М. Дерибаса «Устойчивые глагольно-именные сочетания русского языка» приведены следующие УГИС с данным глаголом: *чинить беззакония, беспорядки, неприятности, помехи, препятствия, произвол, расправу* [6, с. 178].

В словаре И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» глагол *чинити* представлен с несколькими значениями: 'устраивать', 'изготавливать', 'приготавливать', 'составлять', 'производить', 'делать, совершать', 'заключать', 'оказывать', 'поступать' [21, с. 1517–1518]. Из данных толкований нас интересуют только 3, в которых отражено общее значение действия: 'делать, совершать', 'оказывать'. К сожалению, в этом словаре нет указания на то, что то или иное сочетание является устойчивым или относится к фразеологизмам, но есть выделенные в словарной статье глагола *чинити* сочетания, которые мы и будем считать устойчивыми: *чинити въдомо, знаемо, знаменито, свѣдомо, свѣдочно, славно* [21, с. 1517–1518]. Таким образом, автор словаря в качестве УС приводит сочетания глагола и наречия, при этом мы не обнаруживаем здесь УГИС. Информацию об этом глаголе в других исторических словарях найти не представляется возможным в связи с отсутствием на данный момент соответствующих выпусков. Чтобы определить, какие УГИС с компонентом *чинить* (*чинити*) существовали когда-то в русском языке, мы обратились к историческому подкорпусу Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

В ходе исследования мы выяснили, что глагол *чинить* достаточно часто использовался в текстах русских грамот XIII–XVII вв. (было обнаружено 405 случаев употребления данного глагола) и имел широкую сочетаемость, что, конечно, обусловлено его обобщенным значением, например: *чинити управу* (33), *продажу* (25), *срок* (24), *задору* (23), *поиск* (20), *ссоры* (20), *насильство* (20), *помочь* (19), *нелюбья и ссоры* (12), *убытка* (11), *безчинство* (10), *договор* (10), *обиду* (9), *помешку* (8), *вывод* (8), *наказанье* (7), *тесноту* (6), *указ* (4), *грубости* (3), *дружбу* (2), *добро* (2), *промысл* (2), *приметки* (2), *рубеж* (2), *бесчестья* (2), *ведомость* (1), *помогательство* (1), *прописки* (1), *росходу* (1), *управление* (1), *утверженье* (1) и др.¹

Из представленных в текстах грамот сочетаний устойчивыми являются далеко не все. Выше мы говорили о том, какие критерии устойчивости выделяют разные ученые, и пришли к выводу, что устойчивыми являются сочетания, которые имеют следующие признаки:

- 1) единство и постоянство лексического значения (своеобразная семантика);
- 2) моделируемость (образование по определенной модели);
- 3) определенный лексический состав (ограниченная сочетаемость);
- 4) воспроизводимость (повторяемость, частотность употребления сочетания в разных текстах).

Исходя из приведенных критериев, мы выделили несколько УГИС, которые и рассмотрим ниже.

Начнем с сочетаний, которые употребляются в ситуации разбирательства какого-либо дела и вынесения решения: *чинити управу* (*исправу, росправу*), *чинити наказанье* (*каранья, казни, опалы и казни*). Например:

А приставомъ моимъ, великого князя, в Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинять мои намѣстници; а надъ кѣмъ учинять продажу сильно, а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ, князю великому, велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ; а не станеть, ино на того грамота безсудная и приставъ мои доправить. Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле (1397) [14]².

¹ В скобках указано количество употреблений сочетания.

² Все отрывки приводятся в том графическом виде, в каком они даются в Национальном корпусе русского языка.

Стоит отметить, что в приведенных выше УГИС именной компонент может варьироваться: мы обнаружили в текстах грамот не только сочетание *чинити управу*, но и близкие по смыслу *чинити росправу*, *чинити исправу* (исправа ‘судебное разбирательство; решение, принятое в результате разбирательства’ [18, с. 287], росправа ‘управление; рассмотрение и решение спорных вопросов, дел; управа, удовлетворение за причиненную обиду (обычно по суду); расследование, разбирательство’ [18, с. 31–32]). Аналогичная ситуация с сочетанием *чинити наказанье*: в анализируемых текстах встречаются сочетания *чинити каранья*, *чинити казни*, *чинити опалы и казни*.

В современном русском языке употребляется УГИС *чинить расправу*, но в значении ‘жестокое применение силы (преимущественно физической) против кого-л. с целью отомстить или наказать’ [3], а у существительного *казнь* изменилась сочетаемость, сейчас мы используем сочетание *предать казни* [6, с. 201] или глагольную форму *казнить*. Что касается сочетания *чинити управу*, то оно употреблялось в значении ‘разбирать дело’, при этом само существительное *управа* имело значение ‘разбор дела’ [21, с. 1243]. Толковые словари современного русского языка фиксируют несколько значений этого существительного, в том числе устаревшее ‘удовлетворение за причиненную обиду, преимущественно в форме судебного приговора’ и разговорное ‘средство, мера воздействия на кого-л., возможность обуздания, пресечения чьего-л. своеволия, произвола, беззакония’ [19], кроме того, в словаре Дерибаса приводится УГИС *находить (найти) управу* на кого-на что [6, с. 82], которое, судя по всему, имеет значение ‘найти средство (меру) воздействия’, а также ‘пресечь произвол, беззаконие’ [24]. Таким образом, значение слова *управа* изменилось с течением времени, поэтому утратилось и устойчивое сочетание, которое было употребительным в текстах старорусских грамот.

В ситуации фиксации деловых отношений мы обнаружили следующие УГИС: *чинити продажу*, *чинити срок*, *чинити договор*. Например:

А будетъ похочешъ къ намъ слать пословъ своихъ о болишихъ дѣлехъ, о докончаньѣ и о соединеньѣ, договоръ чинити и закрѣпити, и твоимъ посламъ прѣхати къ намъ и отѣхати отъ насъ добровольно безо всякого задержанья. Царская грамота к датскому королю Христиану IV (1592) [14].

А по нашей государской милости, въ городѣхъ бояромъ и воеводамъ нашимъ и всякимъ приказнымъ людемъ, того монастыря архимандриту и строителю и братіи и всякимъ служебникомъ тѣсноты и налоги, и никакія продажи чинить не велѣтъ... Царская жалованная грамота Иверскому монастырю об утверждении оногo в числе правильно созданных монастырей и о возвращении ему прежних вотчин, земель и угодий на основании прежних грамот (1668.10.26) [14].

Среди обнаруженных нами сочетаний можно также выделить и такие, которые употребляются в ситуации оказания помощи, поддержки: *чинити помочь (помогательство, пособи)*. Например:

Да атаманы-жъ и казаки прежь того намъ служивали, коли пойдутъ на наши украины какие воинские люди, и они по всѣмъ рѣкамъ и перевозомъ ставали и тѣхъ людей громили, и языки имывали и полонь объявляли, а Московскому государству тѣмъ чинили помочь немалую. Царская грамота на Дон с выговором за набеги на Азов, турецкие города, и крымские улусы, за грабежи на море и за сношения с запорожскими казаками (1625.10.22) [14].

Важно отметить, что в современном русском языке приведенные выше УГИС отсутствуют: с существительными *помощь*, *договор*, *срок* употребляется другой глагольный компонент (*оказать помощь*, *заключить / составить договор*, *установить срок*), а подобных глагольных сочетаний с существительным *продажа* просто нет, вместо них употребляется глагольная форма (*чинити продажу — продавать*).

Далее рассмотрим сочетания, с помощью которых описываются различные отклоняющиеся от нормы ситуации: *чинити ссоры*, *чинити нелюбья и ссоры*, *чинити поиск*, *чинити задор(у)*, *чинити безчинство*, *чинити насильство*, *чинити обиду*, *чинити обиду и насильство*, *чинити вывод*, *чинити тѣсноту*, *чинити убытка*.

Одной из самых распространенных ситуаций, в которых употребляются подобные единицы, является ситуация возникновения разногласий, споров и ссор между участниками деловых отношений, в таких случаях в текстах грамот находим УГИС *чинити ссоры*, *чинити нелюбья и ссоры*, *чинити задору* (*задоръ* ‘ссора, стычка’ [18, с. 186]). Например:

И бѣгая, межъ государствъ всякую ссору чинили и имяна себѣ перекладывали, и называетца тотъ Тимошка Шуйскимъ, а в-ыныхъ мѣстехъ назывался Яганъ Синензисъ. Царская грамота к датскому королю Фредерику III с изложением дела о подьячих самозванце Тимофее Анкидинове и Константине Конюхове (1652.08.26) [14].

А въ Вайдогубы на торговищи королевскимъ бы людемъ съ рускими людьми бранитца не велѣли и въ томъ задору не чинили, а язъ государя своего людемъ съ королевскими людьми ни въ чемъ задору чинити не велѣлъ, развѣ любве; и торговати бы велѣли прямо по цѣны, какъ которому товару цѣна подынетъ. Грамота кольского воеводы М. Ф. Судимантова к варгавским воеводе и державцу о невозможности ему ехать к ним для переговоров в Вайдогубу и с приглашением их в Колу и о принятии ими некоторых мер относительно торговли в Вайдогубе (1584.06.23) [14].

*И вамъ было, Фредерику князю, вѣдая ево такое явное воровство, стояти за него не годилось и въ стыдъ, потому что во всѣхъ государствахъ такими ворами гнушаютца и за, ихъ злые дѣла казнять ихъ смертью, для того чтобъ такіе воры межъ великихъ государей **нелюбья** и межъ ихъ великихъ государствъ злымъ своимъ воровствомъ **ссора** никакихъ **не чинили**.* Царская грамота к герцогу голштинскому Фредерику с выражением удивления по случаю невыдачи герцогом подьячего Тимофея Анкидинова (1653.08.02) [14].

Немаловажен тот факт, что именные компоненты УГИС могли быть в разных грамматических формах, кроме того, глагол *чинить* мог управлять не только винительным падежом, но и родительным, например, в выборке НКРЯ мы обнаружили несколько форм существительного *ссора* (*ссора*, *ссоры*) и существительного *задоръ* (*задору*, *задоров*, *задоръ*, *задоры*). Такая вариативность свидетельствует о формировании традиции употребления того или иного сочетания. В современном русском языке приведенные сочетания отсутствуют: вместо *чинити ссору* употребляется УГИС *вызвать/затеять ссору* [6, с. 242] или глагольная форма — *ссорить*; у существительного *задор* изменилось значение.

Близкой к рассмотренной выше была ситуация проявления насилия, грубости, жестокости, результатом чего может быть обида. Эта ситуация закрепляется УГИС *чинити поиск*, *чинити безчинство* (*бесчестья*), *насильство*, *обиду*, *обиду и насильство*, *чинити вывод*. Например:

*А хто учнет сее нашии царьской жаловалной грамоты ослушатся или учнет мимо наш царьской указ и сю грамоту указ чинить, или в домовую вотчину вступатись, и обиду какую и всякое **насилство чинить**, и пошлны имать, и тем людем от меня, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России, быть в великой опале и в казни.* Жалованная грамота ц. Ивана Васильевича ростовскому архиепископу Никандру на земли (1555.01.05) [14].

*А вам де было столько не довелось, да и по ся места де Вычегодуцкие Соли посадуцкие люди и Усольсково уезду вам Еренсково городка и уезду **чинят обиду и насильство** великое: взметывають казаков лишек, не по сохам с вами де и нестаютца мимо нашего указу и грамоты и мимо писцовых книг.* Грамота царя Ивана IV в Еренский городок, Вымь, Сусолу и Удору о порядке платежа ямских денег (1582.04.06) [14].

В современном русском языке встречается несколько УГИС, употребляющихся в подобных ситуациях, с синонимичными именными компонентами: *чинить беззакония*, *беспорядки*, *произвол*, *расправу* [6, с. 178]. Существительное *обида* в древнерусском языке употреблялось в значениях ‘обида, оскорбление’, ‘ссора’, ‘вражда’ [21, с. 502–504], ‘несправедливость, несправедливое притеснение, нарушение прав, оскорбление; материальное притеснение, ущерб (особенно ущерб, наносимый более слабым, зависимым)’, ‘ссора, вражда, взаимные претензии’, ‘презрение, пренебрежение’ [18, с. 49], в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» также находим несколько УГИС с существительным *обида*, например, *быти въ обидѣ* ‘подвергаться притеснениям и насилию’ [18, с. 49]. В современном русском языке значение существительного стало более узким: ‘оскорбление, огорчение, причиненное кому-л. несправедливо, незаслуженно; чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением’ [3]. Соответственно более узкой стала и сочетаемость данного имени, в интересующем нас значении сейчас используется УГИС *наносить обиду* [6, с. 211] или глагольная форма *обижать*. Что касается существительного *поиск*, то в древнерусском языке оно имело значение ‘предпринимать (предпринять) военные или карательные действия против кого-л.’ [18, с. 134]. Очевидно, что в современном русском языке данное существительное в таком значении не употребляется, поэтому нет и соответствующего УГИС.

Достаточно частотной является ситуация, влекущая за собой большие потери, причинение ущерба и т.д., притеснение, угнетение, несправедливое (противоправное) действие, в таких случаях в текстах грамот находим УГИС *чинити тѣсноту/ы* (*утеснения*), *чинити убытка/ов* (*шкота/ы*), *чинити вывод*, а также их варианты. Например:

А преже того ваши люди торговымъ кораблемъ, которые ходятъ въ наше государство, насилства никакого не чинивали и не грамливали; а нынѣ ваши брата нашего люди то учинили мимо

прежней обычаи, и тѣмъ торговымъ кораблямъ и нашимъ людямъ **чинятъ тѣсноту и убытки**, а межъ насъ, великого государя, и вашего королевского величества ссору. Царская грамота к датскому королю Христиану IV (1622.01.22) [14].

...и многихъ неповинныхъ волныхъ купцы изо многихъ крестьянскихъ государскихъ земли неподѣльного обычья пограбилъ, убилъ, и ихъ корабли и весь животъ поималъ, и въ полонъ повезъ, и со всякимъ злодѣйствомъ тяготливу обидилъ, а зъ Божіе милости нашему царству некоторая **шкота чинити** не помогъ. Царская жалованная грамота корабленнику (корсару) Керстеню Роде, предоставляющая ему действовать на море против польского короля, его подданных, пособников и друзей, с тем чтобы в пользу царя поступал третий корабль и лучшая пушка с каждого из других (1570.03.30) [14].

Существительное *тѣснота* в древнерусском языке имело довольно много значений, из которых нас интересуют ‘неудобство’, ‘затруднение’, ‘нужда’ [21, с. 1095], ‘бедственное, неприятное или неудобное положение, невзгоды, трудности’, ‘тяжелая (в военном отношении) ситуация, влекущая за собой большие потери, причинение ущерба и т.д.’, ‘нехватка, недостача в чем-л., нужда’, ‘заключение, содержание под стражей’ [18, с. 326]. В современном русском языке существительное *теснота* употребляется в значениях ‘свойство по прилагательному тесный’ и ‘недостаток свободного места, отсутствие простора’ [19], т.е. мы снова наблюдаем процесс сужения значения, в результате чего изменилась сочетаемость. Существительное *шкота* вышло из употребления. В связи со сказанным и приведенные УГИС перестали использоваться носителями русского языка. С существительным *убыток* сейчас используются глаголы *нести*, *причинять*, *терпеть* [6, с. 244]. Также заметим, что в подобных ситуациях в современном русском языке употребляются УГИС *чинить неприятности*, *помехи*, *препятствия*. Существительное *вывод* в сочетании с глаголом *чинить* в древнерусском языке имело значение ‘принудительное переселение на другое место жительства, в другое владение’ [18, с. 188], в современном русском языке данное существительное в таком значении не употребляется.

Подводя итоги, следует сказать о том, что глагол *чинити* часто употреблялся в текстах старорусских грамот и обладал широкой сочетаемостью, о чем свидетельствует выборка из НКРЯ: 405 случаев употребления данного глагола и 18 УГИС, которые закрепляли различные деловые ситуации. Сейчас глагол имеет ограниченную сочетаемость и употребляется в однотипных контекстах, фиксирующих деловые ситуации, как правило, связанные с совершением отклоняющегося от нормы поступка. В современном русском языке большинство из выделенных нами УГИС отсутствует: в сочетаниях с подобными значениями используются другие глаголы (например, *чинити помочь* — *оказать помощь*, *чинити договор* — *заключить договор*), либо вместо сочетаний мы обнаруживаем соответствующие глагольные формы (например, *чинити ссоры* — *ссорить*, *чинити обиды* — *обижать*). Основными причинами утраты УГИС с компонентом *чинити* являются конкретизация значения (сужение семантики) глагола и изменение значения существительных, входивших в состав таких сочетаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. Вып. 4. С. 3–18.
2. Батырова А.Ф. Функционально-когнитивный потенциал английских и русских глагольно-именных фразеоматических словосочетаний и его развертывание в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 23 с.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/> (дата обращения: 7.09.2020).
4. Васильев Ш.И. Фразеологические единицы военной тематики древнерусского языка XI–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2006. 25 с.
5. Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. Ростов н/Д., 1973. 105 с.
6. Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: Русский язык, 1979. 256 с.
7. Зайнуллина С. Р. Проблемы изучения устойчивых сочетаний русского языка в диахроническом аспекте // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы IX Междунар. науч. конф., Челябинск, 18–20 апр. 2018 г. / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2018. Т. 1. С. 22–25.
8. Зигангирова Ю.Р. Функционально-коммуникативные и семантические причины употребления описательных предикатов в устной речи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 9. С. 94–104.
9. Лапаева Т.А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2007. №44. С. 75–77.

10. Лобанова С.В. Классификация устойчивых глагольно-именных сочетаний в современном русском языке: подходы и проблемы // Вестник ТГПУ. 2013. №10 (138). С. 163–167.
11. Ломов А.Г. К вопросу об устойчивых словесных комплексах в древнейших русских летописях // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968. С. 300–303.
12. Лопутько О.П. Устойчивая формула в структуре лексикографического описания древнерусского слова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №2 (24). С. 219–223.
13. Макушина А.А. Семантическое взаимодействие компонентов устойчивых глагольно-именных сочетаний в древнерусском деловом языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. № 2 (12). С. 73–75.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 7.09.2020).
15. Пименова М.В. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. С. 439–449.
16. Романенко М.А. Лингвометодическое описание структурно-семантической организации научного текста [Электронный ресурс] // Общественные науки: Языкознание. 2014. Вып. 4. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/107080> (дата обращения: 7.09.2020).
17. Руюангдам Ангсана. Устойчивые атрибутивные словосочетания с семантическим компонентом «время» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 373 с.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xixvii> (дата обращения: 7.09.2020).
19. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. Яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (дата обращения: 7.09.2020).
20. Смирнова И. Стандарт как основа публицистического стиля (на примере текстов СМИ) [Электронный ресурс] // Медиасреда. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standart-kak-osnova-publitsisticheskogo-stilya-na-primere-tekstov-smi> (дата обращения: 29.05.2019).
21. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Электронный ресурс]. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html> (дата обращения: 7.09.2020).
22. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic and culturological aspects]. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
23. Федорченко Е.А. К вопросу о лингвистическом статусе клише деловой речи // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2014. № 5. С. 24–31.
24. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] // А.И. Фёдоров, 2008. М.: Астрель, АСТ. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 7.09.2020).
25. Хоменко Н.М. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке XII–XV вв. (на материале произведений Кирилла Туровского и Епифания Премудрого): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1990. 18 с.

Поступила в редакцию 15.09.2020

Килина Лилия Фаатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: kilin_74@mail.ru

Русанова Оксана Сергеевна, ассистент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: o.s.rusanova@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

L.F. Kilina, O.S. Rusanova

STABLE COLLOCATIONS WITH THE COMPONENT *CHINITI* IN THE RUSSIAN CHARTERS OF THE XIII–XVII CENTURIES

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-429-437

The article discusses various definitions of the term stability, as well as criteria for identifying stable collocations, and analyzes the features of using stable collocations with the verb *чинити* in the texts of old Russian charters, presented in the Russian National corpus. It was discovered that the stable collocations, contained in the charters, were used to fix various official situations, the most frequent among them were situations of committing an action that doesn't meet the

standards (disputes, disagreements, rudeness, violence, cruelty, damage, harassment, oppression). It is determined that most of the analyzed stable collocations are not used in modern Russian language. It is concluded that the verb *chiniti* used to have a generalized meaning and wide compatibility, the meaning was concretized over time, and the verb was used only to indicate an action that deviates from normative behavior.

Keywords: charter, verb, stable collocation, meaning, official situation.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. O semanticheskoy nepustote i motivirovannosti glagol'nyh leksicheskikh funktsiy [About non-emptiness and motivation of verbal lexical functions] // *Voprosy yazykoznanija*. 2004. Vyp. 4. S. 3–18.
2. Batyrova A.F. Funktsional'no-kognitivnyj potencial anglijskikh i russkikh glagol'no-imennykh frazeomaticheskikh slovosochetaniy i ego razvertyvanie v tekste [Functional and cognitive potential of English and Russian verbal-nominal phraseomatic collocations and its deployment in text]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2005. 23 s.
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Elektronnyj resurs] [The large explanatory dictionary] // Gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/> (data obrashcheniya: 7.09.2020).
4. Vasil'ev Sh.I. Frazeologicheskie edinicy voennoj tematiki drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. [Phraseological units of military theme of Old Russian language of XI–XIV cc.]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Elec, 2006. 25 s.
5. Gvozdarev Yu.A. Frazeologicheskie sochetaniya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseological units of modern Russian language]. Rostov n/D., 1973. 105 s.
6. Deribas V.M. Ustojchivye glagol'no-imennye slovosochetaniya russkogo yazyka [Stable verbal-nominal collocations of Russian language]. M.: Russkij yazyk, 1979. 256 s.
7. Zajnullina S.R. Problemy izucheniya ustojchivyh sochetaniy russkogo yazyka v diahronicheskom aspekte [Problems of studying idiomatic collocations in the Russian language in the diachronic aspect] // *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf., Chelyabinsk, 18-20 apr. 2018 g. / otv. red. L.A. Nefedova. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabin. gos. un-ta, 2018. T. 1. S. 22–25.*
8. Zigangirova Yu.R. Funktsional'no-kommunikativnye i semanticheskie prichiny upotrebleniya opisatel'nykh predikatov v ustnoj rechi [Functional-communicative and semantic reasons of usage descriptive predicates in oral speech] // *Yazyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. statej / red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: Dialog-MGU, 1999. Vyp. 9. S. 94–104.*
9. Lapaeva T.A. Ustojchivye sochetaniya v sisteme yazykovykh edinic [Stable collocations in the system of language units] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. 2007. №44. S. 75–77.*
10. Lobanova S.V. Klassifikaciya ustojchivyh glagol'no-imennykh sochetaniy v sovremennom russkom yazyke: podhody i problem [Classification of the steady verbal-nominal combinations in modern Russian: approaches and problems] // *Vestnik TGPU. 2013. №10 (138). S. 163–167.*
11. Lomov A.G. K voprosu ob ustojchivyh slovesnykh kompleksah v drevnejshih russkikh letopisyah [On the question of stable word complexes in ancient Russian Chronicles] // *Problemy ustojchivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinic. Tula, 1968. S. 300–303.*
12. Loput'ko O.P. Ustojchivaya formula v strukture leksikograficheskogo opisaniya drevnerusskogo slova [Stable formula in the structure of lexicographic description of Old Russian word] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2009. №2 (24). S. 219–223.*
13. Makushina A.A. Semanticheskoe vzaimodejstvie komponentov ustojchivyh glagol'no-imennykh sochetaniy v drevnerusskom delovom yazyke [Semantic interrelation of components of verbal-nominal set-expressions in the Old Russian official written language] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2010. № 2 (12). S. 73–75.*
14. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs] [Russian National corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (data obrashcheniya: 7.09.2020).
15. Pimenova M.V. Ustojchivye leksiko-semanticheskie edinicy i ih fiksaciya v istoricheskikh slovaryah [Stable lexical-semantic units and their fixation in historical dictionaries] // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij. 2013. T. 9. S. 439–449.*
16. Romanenko M.A. Lingvometodicheskoe opisanie strukturno-semanticheskoy organizacii nauchnogo teksta [Linguomethodic description of the structural and semantic organization of scientific text] [Elektronnyj resurs] // *Obshchestvennye nauki: Yazykoznanie. 2014. Vyp. 4. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/107080* (data obrashcheniya: 7.09.2020).
17. Rueangdam Angsana. Ustojchivye atributivnye slovosochetaniya s semanticheskim komponentom «vremya» v sovremennom russkom yazyke [Stable attributive collocations with the semantic component «time» in modern Russian language]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018. 373 s.
18. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The dictionary of Russian language of XI–XVII cc.] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (data obrashcheniya: 7.09.2020).

19. Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. [The dictionary of Russian language: in 4 parts] / pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Rus. Yaz.; Poligrafresursy, 1999. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (data obrashcheniya: 7.09.2020).
20. Smirnova I. Standart kak osnova publicisticheskogo stilya (na primere tekstov SMI) [Standard as the basis of journalistic style (on the example of mass media texts)] [Elektronnyj resurs] // Mediasreda. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standart-kak-osnova-publitsisticheskogo-stilya-na-primere-tekstov-smi> (data obrashcheniya: 29.05.2019).
21. Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html> (data obrashcheniya: 7.09.2020).
22. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 s.
23. Fedorchenko E.A. K voprosu o lingvisticheskom statuse klishe delovoj rechi [On the question of linguistic status of cliché in business speech] // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. 2014. № 5. S. 24–31.
24. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological dictionary of Russian literary language] [Elektronnyj resurs] // A.I. Fyodorov, 2008. M.: Astrel', AST. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (data obrashcheniya: 7.09.2020).
25. Khomenko N.M. Ustojchivye slovosochetaniya v drevnerusskom yazyke XII–XV vv. (na materiale proizvedenij Kirilla Turovskogo i Epifaniya Premudrogo) [Stable collocations in the Old Russian language of the XII–XV cc. (based on of works of Kirill Turovsky and Epifany Premudry)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, 1990. 18 s.

Received 15.09.2020

Kilina L.F., Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of Russian language, Theoretical and Applied linguistics
E-mail: kilin_74@mail.ru

Rusanova O.S., assistant at Department of Russian language, Theoretical and Applied linguistics
E-mail: o.s.rusanova@yandex.ru

Udmurt State University,
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034